

Многосферное боевое и многослойное многоуровневое правовое пространство военных конфликтов

© Кудашкин Александр Васильевич,
доктор юридических наук, профессор,
руководитель отделения военного права
Академии военных наук, заслуженный юрист
Российской Федерации

© Безбабнов Олег Геннадьевич,
руководитель Правового департамента
Минобороны России

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы правового регулирования военных конфликтов и взаимодействия в ходе вооруженной борьбы военного дела и правовых средств. Впервые поднимаются и анализируются такие категории военной науки и права вооруженных конфликтов, как многослойность и многоуровневость правового пространства, многосферность боевого пространства. Отдельному исследованию подвергнуты вопросы терминологии применительно к сферам вооруженной борьбы.

Ключевые слова: вооруженная борьба, военное право, право военных конфликтов, военные конфликты, правовые средства.

Multi-sphere combat and multi-layered multilevel legal space of military conflicts

© Kudashkin A.V.,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the
Russian Federation

© Bezbabnov O.G.,
Head of the Legal Department of the Ministry of
Defense of the Russian Federation

Annotation. The article deals with the issues of legal regulation of military conflicts and interaction during the armed struggle of military affairs and legal means. For the first time, such categories of military science and the law of armed conflict as the multilayered and multilevel legal space, the multi-sphere combat space are being raised and analyzed. The issues of terminology in relation to the spheres of armed struggle are subjected to a separate study.

Keywords: armed struggle, military law, law of military conflicts, military conflicts, legal means.

Одной из тенденций изменения характера и содержания современных военных конфликтов является увеличение пространственного и функционального размаха вооруженного противоборства. На смену традиционным военным действиям, строго распределенным по физическим средам, приходят объемные или «многосферные», проводимые одновременно во

всех сферах противоборства¹. Анализу современных и будущих военных конфликтов посвящено немало современных научных исследований².

¹ Зарудницкий В.Б. Характер и содержание военных конфликтов в современных условиях и обозримой перспективе // Воен. мысль. 2021. № 3. С. 38.

² См., напр.: Зарудницкий В.Б. Современные военные конфликты в контексте формирования новой геополитической картины мира // Воен. мысль. 2023. № 11. С. 14; Его же. Факторы достижения

Многослойность и многоуровневость правового пространства. Другой тенденцией является формирование в различных сферах жизнедеятельности, в том числе и военной, многослойного многоуровневого правового пространства¹. Правовое пространство — это признанная и регулируемая правом сфера жизнедеятельности людей, организаций, государств и международных институтов для достижения согласованных и общих целей². Оно представляет собой системное образование, в котором правовые явления образуют

победы в военных конфликтах будущего // Там же. 2021. № 8. С. 34—45; Сержантов А.В., Смоловый А.В., Терентьев И.А. Трансформация содержания войны: контуры военных конфликтов будущего // Там же. 2022. № 6. С. 19—30; Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. М., 2019. С. 498—598; Актуальные проблемы военного искусства в войнах и вооруженных конфликтах конца XX — начала XXI века: Зарубежный опыт / А.Е. Шагов [и др.] М., 2016; Малышев А.И., Мардусин В.Н., Хахалев В.Ю. Анализ трансформации категорий военной конфликтологии в доктринальных основах Российской Федерации // Воен. мысль. 2023. № 8. С. 6—15; Малышев А.И., Пивоваров Ю.Ф., Хахалев В.Ю. Категория «война» и «вооруженный конфликт»: существо и различие // Там же. 2022. № 2. С. 21—30; Кудашкин А.В., Безбабнов О.Г. Вооруженные конфликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии // Право в Вооруженных Силах. 2023. № 7. С. 2—11; Кудашкин А.В., Кудашкин В.В. Право военных конфликтов или право вооруженных конфликтов: соотношение понятий, место в правовой системе и системе права России // Военное право. 2023. Вып. № 4. С. 25—43; Тарадонов С.В. К вопросу о понятии «война» в современном мире // Науч. вестн. Гуманитарно-социального ин-та. 2023. № 17; Его же. Военный конфликт как форма разрешения противоречий, проблемы институционализации // Право в Вооруженных Силах. 2023. № 10. С. 12—17 и др.

¹ См. подробнее: Правовое пространство: граница и динамика : моногр. / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2021; Тихомиров Ю.А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы // Журн. рос. права. 2020. № 4. С. 5—16; Тихомиров Ю.А., Чураков В.Д. Правовые регуляторы в экономике: национальное и международное измерение // Законодательство. 2019. № 8. С. 41—49; Ткаченко С.В. Рецепция и феномен многослойности права России // История государства и права. 2015. № 23. С. 9—13.

² Правовое пространство: граница и динамика. С. 20.

единство и направлены на решение общих задач³.

В научных работах подробно рассмотрены аспекты применения видов оружия и ведения боевых действий в соответствии с нормами права военных конфликтов (международного права вооруженных конфликтов), в том числе и специальной военной операции⁴. Но структурно-функциональный аспект научного анализа норм права и в целом института военной организации государства позволяет определить как пути развития данного института, так и направления совершенствования правового регулирования в области военной деятельности государства в таких новых сферах, как космическое пространство, киберсфера, и других сферах⁵, однако эти направления развития правовой наукой недостаточно изучены.

Правовое регулирование военной деятельности государства и его институтов в военных конфликтах охватывает стратегический, оперативный и тактический уровни, т.е. те, которые формируют модель отношений между национальной целью и тактическими действиями, где оперативный уровень военного противоборства (ведения боевых действий) связывает тактическое применение сил с национальными стратегическими целями (они изложены в Военной доктрине и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации).

³ Байниязова З.С. Правовая система и правовое пространство: актуальные вопросы соотношения // Правовая культура. 2023. № 1. С. 113—114.

⁴ Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Правовой режим специальных военных операций: сравнительно-правовой анализ // Право в Вооруженных Силах. 2022. № 4. С. 2; Их же. Право вооруженных конфликтов и военно-морские операции // Там же. № 8. С. 7—19; Их же. Военное право Китая // Там же. № 9. С. 65—80; Их же. Развитие военного права Франции: подходы и методы // Там же. № 4. С. 93—102; Их же. Развитие военного права Великобритании: подходы и методы // Там же. № 3. С. 50—61; Их же. Развитие военного права Германии: подходы и методы // Там же. № 1. С. 53—63.

⁵ Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 17.

Именно в данной модели проявляется многослойность правового регулирования (т.е. наложения различных правовых культур)¹ и многоуровневость правового пространства в отношении таких явлений, как военные конфликты.

Многослойность наблюдается в различных правовых системах, в том числе и российской. Она проявляется в том, что многие нормы военного права, в том числе права военных конфликтов, рецептированы из древних правовых источников. Рецепция права является неотъемлемым элементом развития любой правовой системы. Как уже было указано ранее, первые нормы российского военного права датируются началом X в. и связаны с оформлением двусторонних межгосударственных договоров между Русью и Византией, в которые включали и ряд военных вопросов (например, порядок привлечения русских дружин на службу в Византию, выкуп пленных и обмен пленными)². Правовые основы военной организации Древней Руси нашли свое отражение в Русской правде, в которой содержались положения о категориях ратных людей, взаимоотношениях между дружиной и князьями, князьями и ополчением и др.

В последующем, в 1195, 1257 и 1270 гг., были заключены двусторонние договоры с Новгородской республикой и немецкими городами, входившими в Ганзейский союз, также касающиеся военных вопросов. В тот период международное право как «лоскутное одеяло» состояло из множества двусторонних договоров; единого международно-правового пространства не было³. Оно появилось позднее и складывалось постепенно (документы Вестфальской системы безопасности XVII в. и итоговые документы по результатам международных конференций XIX в., посвящен-

ные участникам войн и военных конфликтов).

Комплексный анализ древнерусского законодательства показывает, что в период до XVI в. специальных «военных» правовых актов в России не было; нормы военного права были как бы «вкраплены» в общее законодательство: в Русскую правду, Судебники 1497 и 1550 гг., в Уложение о службе 1556 г. и т.д.⁴ Допетровский период характеризуется появлением первых самостоятельных источников военного права одновременно с формированием централизованного Российского государства. Указанные акты, а также нормы древнерусского обычного права создали необходимые предпосылки для активного формирования военного и военно-уголовного законодательства в ходе государственно-правовых реформ Петра I.

Преобразования Петра I привели к усилению процессов создания многослойности российского права, в том числе в сфере военной деятельности. Первые воинские уставы содержали значительное количество правовых норм, заимствованных из воинских уставов европейских государств того времени. Последующие изменения правового регулирования военной деятельности также не были лишены элементов рецепции. Анализируя российскую историографию, посвященную правовым актам Петра I, военный историк В.В. Гаврищук отмечает, что принципиальное значение в исторической литературе приобрел вопрос об источниках, послуживших созданию петровских воинских уставов. Главной причиной дискуссионности данного вопроса является неоднозначная оценка учеными степени влияния на русское военное уставное творчество достижений западноевропейской или национальной военно-теоретической мысли⁵. Военное право се-

¹ См. подробнее: Ткаченко С.В. Указ. соч.

² См. подробнее: Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Указ. соч. С. 7—34; Военное право: моногр.: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 1: История и теория военного права (с предисловием). М., 2021.

³ Правовое пространство: граница и динамика. С. 128.

⁴ Тарадонов С.В. Генезис российского военного права в системе обеспечения национальной безопасности // Право в Вооруженных Силах. 2021. № 12. С. 105—113.

⁵ Гаврищук В.В. Строительство Российской армии в XVIII в. Историографическое исследование : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. С. 24.

редины XVIII в. испытывало сильное влияние со стороны западноевропейского военного искусства. Так, например, в определении источников, послуживших написанию Устава воинского 1796 г., большинство критиков приходят к единому мнению, что он являлся практически точной копией прусского устава середины XVIII в. Эта трактовка имела место уже в работах последней четверти XIX в. Например, П.С. Лебедев, оценивая нововведения Павла I в военной области, отмечал, что Устав 1796 г. — плохой и неточный перевод прусского аналога 1760 г.¹ Результатом правотворчества стал целый ряд воинских уставов, эскерциций и инструкций, регулирующих деятельность отдельных видов войска. Вместе с тем, законодательство часто «следовало опыту европейских армий, не считаясь нередко с тем, что было достигнуто в этой области при Петре Великом»².

Правовое пространство также отличается *многоуровневостью* правового регулирования, в том числе и в военной сфере. Как справедливо отмечается в юридической литературе³, ранее можно было сказать, что две системы, международное и национальное право, развиваются независимо друг от друга, пересекаясь только в определенных сферах. Сейчас ситуация иная. Сегодня уровней регуляции в международном правовом пространстве достаточно много, особую роль играют функциональные международные структуры, которые принимают в том числе различные рекомендации, которые, являясь необязательными для исполнения (*soft law*), тем не менее, направляют и во многом предопределяют развитие отдельных государств и всего международного сообщества. Следует отметить, что специалисты в сфере международного права до сих пор не пришли к единому мнению в части соотношения различных международных актов и

регуляторов. Но если нет прямой субординации, нужна хотя бы некая системность, которую надо выстраивать. При этом многочисленные международные акты представляют интерес не сами по себе, а в части их юридической силы и характера воздействия. Указанные международные регуляторы осваивают свое пространство, различные сферы, не исключая и военную. Отметим, что многослойность и многоуровневость правового регулирования любой сферы деятельности государства никоим образом не отрицают концепцию единства правового пространства Российской Федерации, характеризующегося единством правового регулирования социально-политических, хозяйственных и финансовых отношений на всей территории России.

Сферы вооруженной борьбы: вопросы терминологии. В военной науке присутствуют две точки зрения на понятие «сфера вооруженной борьбы». Одни ученые и военные практики ставят знак равенства между сферами вооруженной борьбы и физическими средами, т.е. под сферой вооруженной борьбы понимается физическая сфера или иная среда (пространство), в которой ведется вооруженная борьба.

Другие ученые и военные специалисты считают, что к сфере вооруженной борьбы необходимо относить не только и не столько физическую среду, сколько применяемые в ней силы и средства, необходимую им инфраструктуру, взгляды на их применение и развитие, а также собственно формы и способы их применения. При этом к силам и средствам данной сферы вооруженной борьбы должны относиться не только те силы и средства, объекты воздействия на которые находятся в данной среде, но и сами объекты борьбы, поскольку развитие и применение последних обусловлено первыми, как, впрочем, и наоборот. Название среды (пространства) целесообразно давать различным средствам борьбы по той среде (пространству), в которой находятся объекты борьбы, за

¹ Лебедев П. Преобразователи русской армии в царствование Павла Петровича: 1796—1801 // Русская старина. 1877. № 18. С. 240—241, 253.

² Буганов В.И., Буганов А.В. Полководцы XVIII в. М., 1992. С. 242.

³ Тихомиров Ю.А., Чураков В.Д. Указ. соч.

захват, поражение или защиту которых она и ведется¹.

Наземная сфера вооруженной борьбы характеризуется тем, что объект поражения (подавления, вывода из строя и др.) находится на земле. Главным признаком *морской сферы вооруженной борьбы* является нахождение объекта поражения (подавления, вывода из строя и др.) в акватории моря (океана). *Воздушная сфера вооруженной борьбы* возникла тогда, когда в воздушной физической среде появились объекты, в которые можно было стрелять и которые можно было уничтожить².

Нахождение объекта поражения (подавления, вывода из строя и др.) в воздухе и (или) космосе является главным признаком того, что военные действия ведутся в *воздушно-космической сфере вооруженной борьбы*³. Однако следует иметь в виду, что воздушно-космический удар по наземным объектам — это действия в наземной сфере (для того, кто наносит этот удар). Но отражение такого удара (для обороняющейся стороны) — это действие в воздушно-космической сфере. И в этом процессе участвуют средства, находящиеся на земле (зенитные ракетные системы), в море (корабельные средства ПВО), в воздухе (истребители), в космосе (комплексы ПКО).

Вполне очевидно, что с развитием науки и техники появляется все больше видов оружия, которое не только использует разные физические среды для перемещения, но и ведет борьбу с объектами не в одной, а в разных физических средах.

Как соотносятся понятия «сфера вооруженной борьбы» и «театр военных действий (ТВД)»? Характерными общими

чертами для всех ТВД является их стратегический уровень. Это первое. Любой ТВД охватывает пространство, в пределах которого перед вооруженными силами ставится стратегическая цель, достижение которой коренным образом изменит военно-политическую и военно-стратегическую обстановку, будет способствовать дальнейшему успешному ведению войны и победоносному ее завершению. Для этого на любом ТВД разворачивается группировка вооруженных сил стратегического масштаба и планируется ее применение в форме стратегической операции. Второе — многосферность. Вооруженная борьба на любом ТВД охватывает все сферы, освоенные оружием. Однако на каждом из ТВД главная задача решается в одной, ключевой для данного театра, сфере вооруженной борьбы⁴.

Многосферность боевого пространства. Сложность правового пространства применительно к вооруженной борьбе в числе прочих причин обусловлена и внедрением в военное противоборство *принципа «многосферности»*, которая в едином боевом пространстве будет реализовываться дистанционным снижением потенциала противника на любом удалении от своей территории путем синхронного нанесения с разных направлений глобальных ударов непилотируемым высокоточным оружием (ВТО) различного базирования, а также функциональным программно-аппаратным воздействием (ПАВ). Одновременно предполагается проводить информационно-психологические и специальные операции, а также предпринимать невоенные, асимметричные и гибридные меры противоборства⁵.

Принцип «многосферности» будет развиваться. Разработка концепции многосферного сражения обусловила процесс совершенствования форм и способов применения группировок войск (сил); она предусматривает создание противовеса

¹ См. подробнее: Криницкий Ю.В., Чеховский В.Г. Сферы вооруженной борьбы и театры военных действий // Воен. мысль. 2022. № 9. С. 22; Чуркин И. Правильно назвать — правильно понять. URL: <http://bvpa.ru/> (дата доступа: 26.01.2024).

² Криницкий Ю.В., Чеховский В.Г. Указ. соч. С. 23—25.

³ См. подробнее: Жмурин С.А., Криницкий Ю.В. Воздушно-космический ТВД как закономерный результат эволюции вооруженной борьбы // Воен. мысль. 2022. № 7. С. 48—57; Криницкий Ю.В. Воздушно-космический театр военных действий : моногр. Изд. второе. Тверь, 2021.

⁴ Криницкий Ю.В., Чеховский В.Г. Указ. соч. С. 25—26.

⁵ Зарудницкий В.Б. Характер и содержание военных конфликтов в современных условиях и обозримой перспективе. С. 38.

противнику во всех боевых сферах (суша, море, воздух, космос, киберпространство, когнитивная сфера)¹. Вооруженная борьба, как основная форма борьбы в войне, является проблемосодержащей системой, теоретическая проблема которой связана с выявлением законов вооруженной борьбы в целях решения практической целевой проблемы — достижения победы в бою, операции². Добавим к этому, что законы вооруженной борьбы не являются фигурой речи, это вполне содержательное понятие, которое формализовано прежде всего в положениях боевых уставов. Именно так это понимает Президент Российской Федерации В.В. Путин, отметив на расширенном заседании Коллегии Министерства обороны Российской Федерации 19 декабря 2023 г. необходимость широкого использования полученного в ходе специальной военной операции (СВО) опыта в оперативной и боевой подготовке и поставив задачу по совершенствованию форм и способов применения войск, для чего необходимо «уточнить положения боевых документов, уставов и наставлений»³.

О значении теории в исследовании рассматриваемой темы Клаузевиц писал: «Основная цель любой теории — объяснить понятия и идеи, которые стали, так сказать, запутанными и противостоящими»⁴. Связь политики и военной стратегии обусловлена тем, что мотивы политиков и военных, а также стоящих за ними могущественных финансово-экономических группировок в немалой степени определяют масштаб войны и характер используемых средств, оперативные формы применения вооруженных сил и тактику боевых

действий⁵. Стратегический, оперативный и тактический уровни связывают тактические действия с достижением национальных целей, но между этими уровнями нет каких-либо рамок или границ, они помогают командующим планировать и синхронизировать операции, распределять ресурсы и ставить задачи соответствующему функциональному командованию (сухопутных войск, ВМФ, ВКС и др.).

Концепции уровней войны имеют долгую историю. Клаузевиц выделил два уровня: стратегию и тактику⁶, а российский военачальник и военный теоретик А.А. Свечин первым предложил концепцию оперативного уровня войны и ввел в научный оборот понятие «оперативное искусство», обосновал объективные предпосылки его зарождения как связующего звена между стратегией и тактикой, чем способствовал возникновению новой области военного искусства⁷. Научные заслуги А.А. Свечина были отмечены многими российскими авторами: «Можно смело утверждать, что никто из наших военных теоретиков того времени не мог сравниться с А.А. Свечиным в анализе военно-политических проблем и вопросов стратегии»⁸. Его классическая научная работа «Стратегия» изучалась и анализировалась зарубежными военными специалистами и также получила очень высокую оценку⁹.

Связь стратегии с тактическими и оперативными результатами заключается в том, что «стратегия обладает возможно-

¹ Андреев В.В., Хакбердыев С.В. Формирование способов применения объединений Воздушно-космических сил в стратегическом сдерживании противника // *Воен. мысль*. 2023. № 10. С. 41.

² Круглов В.В., Воскресенский В.Г. Системная функциональная модель вооруженной борьбы // *Воен. мысль*. 2023. № 12. С. 35.

³ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73035> (дата обращения: 25.12.2023).

⁴ Clausewitz C. von. *On War*, ed. and trans. Michael Howard and Peter Paret. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1989. P. 132.

⁵ Лавренов С.Я. Политика и военная стратегия — *uniti aeternum*. Взгляд Андрея Кокошина // *Обозреватель — Observer*. 2014. № 10. С. 109.

⁶ Sun Tzu. *The Art of War* (China: Sweetwater Press, 2006); Clausewitz. *On War*, 178. The idea of the difference between strategy and tactics appears in chapter 3 of *The Art of War*, "Attack by Stratagem".

⁷ Думби Ю.Ф. Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина : дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 138—141.

⁸ Кокошин А.А., Лобов В.Н. Предвидение: (Ген. Свечин об эволюции воен. искусств) // *Знамя*. 1990. № 2. С. 171.

⁹ Kipp J. Soviet Military Doctrine and the Origins of Operational Art, 1917—1936, in *Soviet Doctrine from Lenin to Gorbachev, 1915—1991*, ed. William C. Frank Jr. and Philip S. Gillette. Westport, CT: Greenwood, 1992. P. 88.

стью достигать своих целей не только через совокупность тактических и оперативных результатов, но и непосредственно. Сам эффект стратегических ударов прямо и более или менее непосредственно определяет обстановку, ход и результаты всех других усилий и масштабов, как оперативных, так и тактических»¹.

Уровни действия в военном конфликте для последующего определения роли и задач видов вооруженных сил на каждом из них можно определить следующим образом.

Стратегический уровень — это уровень, на котором государство само или в группе государств определяет национальные или многонациональные (если в составе альянса или коалиции) цели и направления своей безопасности, а также использует национальные ресурсы для достижения этих целей. Деятельность на этом уровне устанавливает цели национальной политики, определяет пределы и дает оценку рискам использования сил и средств военной организации государства и других инструментов национальной мощи, определяет и разрабатывает планы военных действий на будущем театре военных действий для достижения этих целей, использует вооруженные силы или их компоненты, другие силы и средства в соответствии со стратегическими планами политического и военного руководства страны.

Понимание вооруженного противоборства в современных условиях вышло за традиционные рамки, для современного миропорядка не характерно ведение классических войн². В этой связи термин «военная организация государства» раскрыт в Военной доктрине Российской Федерации как система органов, элементы этой системы рассмотрены в указанной выше монографии³ и публикациях ее авторов, приведена система источников норм права, которая выступает в качестве упорядочен-

ной, целостной и построенной в их нормативной правовой совокупности. Эта структурированная система раскрыта с ее внутренними, внешними и функциональными связями. Также раскрыто, как эта система функционирует в определенной внешней среде, определено ее развитие в соответствии с возникшей правовой действительностью в зависимости от уровня военных угроз и разработан механизм такого развития.

Оперативный уровень — это уровень военных действий, на котором крупные военные операции планируются, проводятся и поддерживаются для достижения стратегических целей на театрах военных действий и в других оперативных районах. Действия на этом уровне связывают тактику и стратегию путем установления оперативных целей, необходимых для достижения стратегических целей, определения последовательности событий для достижения оперативных целей, инициирования действий и применения ресурсов.

Маршал Н.В. Огарков дал точное и развернутое определение военной операции: «Военная операция — форма ведения военных действий оперативными (оперативно-стратегическими) объединениями вооруженных сил, совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту, времени ударов, маневров, боев и сражений разнородных войск (сил) видов ВС, которые проводятся одновременно и последовательно в соответствии с единым замыслом и планом для решения задач на театре военных действий или театре войны, стратегическом или операционном направлении (в определенной зоне, районе) в установленный период времени». По масштабу и целям Н.В. Огарков выделил: стратегическую — общевойсковую (общештормовую) операцию; фронтовую (флота, округа, группы армий) или группы фронтов; армейскую операцию, которая производится армией (ракетной, общевойсковой, танковой и т.д.)⁴. Из данного определения видно, что такие дей-

¹ О советской военной науке / С.Н. Козлов [и др.]. М., 1964. С. 255.

² Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Указ. соч. С. 18.

³ Военное право : моногр. : в 3 т. Т. 1. С. 279—284, 287—300.

⁴ Операция // Советская военная энциклопедия: в 8 т. / под общ. ред. Н.В. Огаркова. М., 1976—1980. Т. 6: Объекты военные — Радиоконпас. С. 64—67.

ствия подразумевают более широкое измерение во времени и пространстве, чем тактика, они обеспечивают логистическую поддержку тактических сил и предоставление средств, с помощью которых тактические успехи могут быть использованы для достижения стратегических целей.

В мировой истории войн *тактический уровень* — уровень, на котором битвы и сражения планируются и проводятся для достижения военных целей, поставленных перед тактическими подразделениями или оперативными группами. Деятельность на нем сосредоточена на упорядоченном расположении и маневрировании боевых элементов по отношению друг к другу и к противнику для достижения цели битвы. На оперативном уровне сетевые силы, имеющие доступ в режиме реального времени к новейшим средствам¹, гораздо точнее отражают ход боевых действий, что позволяет командованию действовать быстрее и решительнее, чем его противник.

Стратегический уровень имеет как военное, так и политическое значение, на военно-стратегическом уровне преимущество одной из сторон вооруженного конфликта может само по себе стать стратегией. Политические стратегии военного воздействия включают в себя известные наборы действий, в том числе правового характера: формирование альянсов, режимы контроля над вооружениями, использование дипломатии, информации, а мобилизация национальной экономики осуществляется в целях расширения возможностей военной организации государства.

В научной литературе отмечается, что наиболее приоритетным направлением развития военного искусства является развитие и совершенствование форм приме-

нения группировок войск (сил) в ходе военных конфликтов различной степени интенсивности².

Особенности современных военных конфликтов. Анализ содержания военных конфликтов последних десятилетий, а также взглядов военно-политического руководства ведущих стран мира на применение военной силы позволил выделить основные характерные особенности и черты их развязывания и ведения, которыми, по мнению В.Б. Зарудницкого, являются следующие³:

— потенциальный противник России в грядущих военных конфликтах будет разный, предстоит вести боевые действия как против иррегулярных вооруженных формирований террористов, так и с крупными группировками войск (сил) коалиций нескольких государств;

— военно-политические цели все чаще достигаются за счет превентивного подрыва экономического и информационного потенциалов государства-противника с применением необходимой и достаточной военной силы на всех этапах противоборства;

— меры военного характера нередко реализуются в скрытой форме, в виде последовательных непрямых или асимметричных действий «чужими руками» (примеры — Ирак, Афганистан, Ливия и Сирийская Арабская Республика);

— широкомасштабное внедрение информационных и других передовых технологий стало основой для создания качественно нового поколения вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) и существенного расширения сфер их применения, что, в свою очередь, обуславливает необходимость дальнейшего развития форм и способов ведения военных действий.

¹ Командование, контроль, связь, компьютеры (C4) и IRS-разведка (intelligence), наблюдение (surveillance) и военное наблюдение в районе для определения местонахождения противника или стратегических объектов (reconnaissance). Расширенные возможности дают преимущество за счет ситуационной осведомленности, знания противника и боевой обстановки, сокращения времени между обнаружением и реагированием на сложившуюся обстановку.

² Андреев В.В. Развитие форм применения группировок авиации в военных конфликтах // Воен. мысль. 2023. № 6. С. 47.

³ См. подробнее: Зарудницкий В.Б. Характер и содержание военных конфликтов в современных условиях и обозримой перспективе. С. 35—41.

Изменения характера и содержания современных военных конфликтов касаются следующего:

— *первое* — в обозримой перспективе существенно возрастет роль невоенных мер, повысится их значение и удельный вес в содержании противоборства. Они приобретут целеустремленный и комплексный характер, станут *традиционно-асимметрично-подрывными*, масштабными и результативными, в том числе за счет высокого уровня технологической оснащенности вооруженных сил ведущих государств мира. Широкую практику получит принцип реализации упреждающих мер различного характера (в том числе силового), особенно *непрямые действия* различных правительственных институтов и неправительственных организаций с опорой на *асимметричные способы* применения силового компонента при нейтрализации и стабилизации кризисных ситуаций. Одновременно не исключается непосредственное применение военной силы сразу в нескольких конфликтах, как правило, под видом миротворческих или гуманитарных операций;

— *второе* — повышается значение психологической борьбы. С появлением новых информационно-коммуникационных технологий ее формы и способы кардинально изменились. Сегодня и в обозримом будущем мы столкнемся с так называемой *психологической агрессией*;

— *третье* — постоянной тенденцией остается увеличение пространственного и функционального размаха вооруженного противоборства (многосферность боевого пространства);

— *четвертое* — возрастание значения космического пространства. Необходимо прорабатывать теоретические основы новых форм ведения военных действий в космосе, в частности таких как противоспутниковый бой, систематические боевые действия по уничтожению объектов инфраструктуры государства, орбитальное спутниковое сражение, противокосмическая операция и др.;

— *пятое* — расширение спектра применяемых средств вооруженной борьбы,

среди которых существенно возрастает значение гиперзвукового, высокоточного, электромагнитного, лазерного, инфразвукового, кибероружия, информационно-управляющих систем, беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, роботизированных комплексов военного назначения, искусственного интеллекта в системах поддержки принятия решений, управления войсками (силами) и ВВСТ.

Подводя итог, В.Б. Зарудницкий отмечает, что определение характера будущих военных конфликтов имеет жизненно важное значение для любого государства. Размытие границ между состояниями мира и войны, применение гибридных комбинаций невоенных и военных методов для достижения стратегических результатов требуют дальнейшего совершенствования асимметричных способов реагирования на вызовы и угрозы национальным интересам России.

Таковы современные российские подходы к сущности и содержанию современных военных конфликтов.

В зарубежной военной и военно-правовой науке военное преимущество (превосходство) подчас также связывают с понятием «асимметрия». С. Мец и Д. Джонсон из Военного колледжа армии США полагают, что в сфере военного дела и национальной безопасности асимметрия — это право действовать, организовываться и думать иначе, чем противник, с целью максимизировать собственные преимущества, использовать слабости противника, перехватить инициативу или получить большую свободу действий. Это может быть политико-стратегическая, военно-стратегическая асимметрия или их комбинация, она может включать в себя различные методы и т. п., может быть дискретной или осуществляться в сочетании с симметричными подходами. Она может иметь как психологическое, так и физическое измерение¹. Но С. Бланк верно указал, что кон-

¹ Steven Metz, Douglas V. Johnson II. Asymmetry and US. Military strategy: Definition, background, and strategic concepts. 2001. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep11225> (дата обращения: 21.11.2023).

цепция асимметрии «вышла за рамки полезности» и отметил, что «... сбивая нас с толку или вводя в заблуждение относительно угроз нашим интересам и стратегиям, которые их составляют, использование этих терминов повышает риск того, что мы не сможем понять и затем побеждать наших врагов. Вместо этого нам следует вернуться к классификации угроз, исходящих от асимметричных врагов и их столь же асимметричных стратегий или военных планов, на основе их масштабов или их воздействия на нас»¹.

Вместе с тем, технологическое превосходство вооруженных сил нельзя считать чем-то само собой разумеющимся. Как верно отметил советник НАТО К. Доннелли, «технологическое преимущество всегда преходяще»². Объединенный комитет начальников штабов в «Объединенном видении 2020» указал: «Не обязательно, что нам удастся сохранить широкое технологическое преимущество над нашими противниками во всех областях. Возросшая доступность коммерческих спутников, цифровой связи и общедоступного Интернета дает злоумышленникам новые возможности при относительно низких затратах. Не следует ожидать, что противники в 2020 г. будут сражаться строго инструментами индустриального века»³.

Асимметрия не представляет собой радикально новую оперативную модель, поскольку в самой природе войны заложен поиск стратегии, тактики и видов оружия, которые используют собственные сильные стороны (позитивная асимметрия) или слабости противника (негативная асимметрия) либо и то и другое. Сунь-Цзы понял это два с половиной тысячелетия назад, когда провозгласил: «Армию можно сравнить с водой, так же как текущая вода

избегает высоты и спешит в низины, так что войско избегает сильных и поражает слабости»⁴. Как справедливо отмечают И.М. Попов и М.М. Хамзатов, «понимание сущности и степени асимметричности конкретного военного конфликта позволяет командиру (командующему) осознанно принимать наиболее эффективные решения на поле боя»⁵. Но, как мы указали выше, преимущество (в форме асимметрии) прямо влияет на право, регулирующее методы и средства ведения войны. Международное право вооруженных конфликтов и вооруженные конфликты существуют на взаимных началах: международное право вооруженных конфликтов реагирует на изменения в характере военных действий, и большинство договоров в рамках международного права вооруженных конфликтов были заключены сразу после крупного военного конфликта в ответ на тяжкие последствия или отдельные их аспекты.

Гражданская война в США послужила причиной принятия «набора правил» профессора Ф. Либера (Кодекса Либера), введенного Общим приказом № 100 Министерства армии США «Инструкции для правительства армий Соединенных Штатов». Битва при Сольферино во время Освободительной войны Италии, затем деятельность Анри Дюнана в 1862 г. привели к созданию Международного Комитета Красного Креста, после русско-японской войны 1904—1905 гг. были приняты Женевская конвенция 1906 г. и Гаагская конвенция 1907 г., после Первой мировой войны — Протокол по запрету газов 1925 г. и Женевская конвенция 1929 г., после Второй мировой войны — Женевские конвенции 1949 г. и Конвенция о культурных ценностях 1954 г., после вой-

⁴ URL: <https://quotefancy.com/quote/1548488/Sun-Tzu-An-army-may-be-likened-to-water-for-just-as-flowing-water-avoids-the-heights-and> (дата обращения: 13.11.2023).

⁵ См. подробнее: Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. М., 2019. С. 498—598; Актуальные проблемы военного искусства в войнах и вооруженных конфликтах конца XX — начала XXI века: Зарубежный опыт. С. 322—325.

¹ Blank Stephen J. Rethinking asymmetric threats. Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2003.

² Donnelly Chris. Defence, Security, and Intelligence in the 21st Century: New Challenges and New Responses // *Acque et Terre*. 2003. No 2. P. 57.

³ Chairman of the Joint Chiefs of Staff, Joint Vision 2020. Washington, DC, 2000. P. 4.

ны в Корее, Вьетнаме и «национально-освободительных войн» — Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям 1949 г., Конвенция об обычных вооружениях¹. Были предприняты активные попытки по ограничению методов и средств ведения войны, в первую очередь запрет на ослепляющие лазеры и биологическое оружие, принят Дополнительный протокол к Конвенции о запрете или ограничении применения некоторых видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерный вред или имеющими неизбирательное действие, Протокол об ослепляющем лазерном оружии 1995 г. и др. Характер военных действий, в которых участвуют воюющие стороны, формирует их отношение к международному праву вооруженных конфликтов. Если стороны вооруженного конфликта считают, что нормативные границы международного права вооруженных конфликтов ставят их в невыгодное положение, то полагают, что их можно игнорировать.

Именно указанные обстоятельства обуславливают сложность, объективность многослойного многоуровневого правового пространства военных конфликтов.

Библиография

1. Актуальные проблемы военного искусства в войнах и вооруженных конфликтах конца XX — начала XXI века: зарубежный опыт / А.Е. Шагов [и др.]. — Москва, 2016. — 900 с.;
2. Андреев, В.В. Развитие форм применения группировок авиации в военных конфликтах / В.В. Андреев // Военная мысль. — 2023. — № 6. — С. 46—51.
3. Андреев, В.В. Формирование способов применения объединений Воздушно-космических сил в стратегическом сдерживании противника / В.В. Андреев, С.В. Хакбердыев. // Военная мысль. — 2023. — № 10. — С. 40—45.
4. Байниязова, З.С. Правовая система и правовое пространство: актуальные вопросы соотношения / З.С. Байниязова // Правовая культура. — 2023. — № 1. — С. 113—114.
5. Буганов, В.И. Полководцы XVIII в. / В.И. Буганов, А.В. Буганов. — Москва, 1992. — 430 с.
6. Гавришук, В.В. Строительство Российской армии в XVIII в. Историографическое

исследование : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В.В. Гавришук. — Москва, 1999. — 45 с.

7. Джиоева Э.Э., Тарадонов, С.В. К вопросу о понятии «война» в современном мире / Э.Э. Джиоева, С.В. Тарадонов // Науч. вестн. Гуманитарно-социального ин-та. — 2023. — № 17.

8. Думби, Ю.Ф. Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина : дис. ... канд. ист. наук / Ю.Ф. Думби. — Москва, 2000. — 383 с.

9. Жмурин, С.А. Воздушно-космический ТВД как закономерный результат эволюции вооруженной борьбы / С.А. Жмурин, Ю.В. Криницкий // Воен. мысль. — 2022. — № 7. — С. 48—57.

10. Зарудницкий, В.Б. Современные военные конфликты в контексте формирования новой геополитической картины мира / В.Б. Зарудницкий // Военная мысль. — 2023. — № 11. — С. 6—15.

11. Зарудницкий, В.Б. Факторы достижения победы в военных конфликтах будущего / В.Б. Зарудницкий // Военная мысль. — 2021. — № 8. — С. 34—45.

12. Зарудницкий, В.Б. Характер и содержание военных конфликтов в современных условиях и обозримой перспективе / В.Б. Зарудницкий // Военная мысль. — 2021. — № 3. — С. 34—44.

13. Кокошин, А.А. Предвидение: (Ген. Свечин об эволюции воен. искусств) / А.А. Кокошин, В.Н. Лобов // Знамя. — 1990. — № 2. — С. 170—182.

14. Криницкий, Ю.В. Воздушно-космический театр военных действий : моногр. Изд. второе / Ю.В. Криницкий. — Тверь, 2021. — 370 с.

15. Криницкий, Ю.В. Сферы вооруженной борьбы и театры военных действий / Ю.В. Криницкий, В.Г. Чеховский // Военная мысль. — 2022. — № 9. — С. 21—28.

16. Круглов, В.В. Системная функциональная модель вооруженной борьбы / В.В. Круглов, В.Г. Воскресенский // Военная мысль. — 2023. — № 12. — С. 35—42.

17. Кудашкин, А.В. Военное право Китая / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 9. — С. 65—80.

18. Кудашкин, А.В. Вооруженные конфликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии / А.В. Кудашкин, О.Г. Безбабнов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 7. — С. 2—11.

19. Кудашкин, А.В. Право военных конфликтов или право вооруженных конфликтов: соотношение понятий, место в правовой системе и системе права России / А.В. Кудашкин, В.В. Кудашкин // Военное право. — 2023. — № 4. — С. 25—43.

20. Кудашкин, А.В. Право вооруженных конфликтов и военно-морские операции / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 8. — С. 7—19.

21. Кудашкин, А.В. Правовой режим специальных военных операций: сравнительно-правовой

¹ Документы МККК по МГП. URL: <https://www.icrc.org/ihl> (дата обращения: 13.11.2023).

анализ / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4. — С. 2—12.

22. Кудашкин, А.В. Развитие военного права Великобритании: подходы и методы / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 3. — С. 50—61.

23. Кудашкин, А.В. Развитие военного права Франции: подходы и методы / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4. — С. 93—102.

24. Кудашкин, А.В. Развитие военного права Германии: подходы и методы / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 1. — С. 53—63.

25. Лавренов, С.Я. Политика и военная стратегия — *inī aeternum*. Взгляд Андрея Кокошина / С.Я. Лавренов // Обозреватель — Observer. — 2014. — № 10. — С. 107—122.

26. Лебедев, П. Преобразователи русской армии в царствование Павла Петровича: 1796—1801 / П. Лебедев // Русская старина. — 1877. — № 18. — С. 240—241, 253.

27. Малышев, А.И. Анализ трансформации категорий военной конфликтологии в доктринальных основах Российской Федерации / А.И. Малышев, В.Н. Мардусин, В.Ю. Хахалев // Военная мысль. — 2023. — № 8. — С. 6—15.

28. Малышев, А.И. Категория «война» и «вооруженный конфликт»: существо и различие / А.И. Малышев, Ю.Ф. Пивоваров, В.Ю. Хахалев // Военная мысль. — 2022. — № 2. — С. 21—30.

29. О советской военной науке / С.Н. Козлов, М.В. Смирнов, И.С. Базь, П.А. Сидоров. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Воениздат, 1964. — 405 с.

30. Попов, И.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. / И.М. Попов, М.М. Хамзатов. — Москва, 2019. — 834 с.

31. Правовое пространство: граница и динамика : моногр. / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. — Москва, 2021. — 240 с.

32. Савенков, А.Н. Военное право: постановка проблемы и пути решения / А.Н. Савенков, А.В. Кудашкин // Государство и право. — 2021. — № 4. — С. 7—34.

33. Сержантов, А.В. Трансформация содержания войны: контуры военных конфликтов будущего / А.В. Сержантов, А.В. Смоловый, И.А. Терентьев // Военная мысль. — 2022. — № 6. — С. 19—30.

34. Тарадонов, С.В. Военный конфликт как форма разрешения противоречий, проблемы институционализации / С.В. Тарадонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 10. — С. 12—17.

35. Тарадонов, С.В. Генезис российского военного права в системе обеспечения национальной безопасности / С.В. Тарадонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12. — С. 105—113.

36. Тихомиров, Ю.А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. — 2020. — № 4. — С. 5—16.

38. Тихомиров, Ю.А. Правовые регуляторы в экономике: национальное и международное измерение / Ю.А. Тихомиров, В.Д. Чураков // Законодательство. — 2019. — № 8. — С. 41—49.

39. Ткаченко, С.В. Рецепция и феномен многослойности права России / С.В. Ткаченко // История государства и права. — 2015. — № 23. — С. 9—13.

40. Clausewitz C. von. On War, ed. and trans. Michael Howard and Peter Paret. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1989. P. 132.

41. Sun Tzu. The Art of War (China: Sweetwater Press, 2006); Clausewitz. On War, 178. The idea of the difference between strategy and tactics appears in chapter 3 of The Art of War. "Attack by Stratagem".

42. Kipp J. Soviet Military Doctrine and the Origins of Operational Art, 1917—1936, in Soviet Doctrine from Lenin to Gorbachev, 1915—1991, ed. William C. Frank Jr. and Philip S. Gillette. Westport, CT: Greenwood, 1992. P. 88.

43. Steven Metz, Douglas V. Johnson II. Asymmetry and US. Military strategy: Definition, background, and strategic concepts. 2001. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep11225> (дата обращения: 21.11.2023).

44. Blank Stephen J. Rethinking asymmetric threats. Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2003.

45. Donnelly Chris. Defence, Security, and Intelligence in the 21st Century: New Challenges and New Responses // *Acque et Terre*. 2003. No 2. P. 57.

46. Chairman of the Joint Chiefs of Staff, Joint Vision 2020. Washington, DC, 2000. P. 4.